

Никогда раньше, при разговорах или размышлениях о пьесах Уильяма не приходила мне в голову эта классическая строка. Пришла впервые только сейчас, на спектакле МХАТ имени Чехова «Молодой фургон» не ослабевает больше здесь, пришла, когда я наблюдал за игрой Татьяны Лавровой.

Встреча с любимой актрисой, причем актрисой, которую давно не видел на сцене, — это всегда воспоминания. Так и сейчас. Татьяна Лаврова в молодом «Современнике». 1962 год: Дороти в «Пятой колонии» Хемингуэя. Запомнилась удивительная независимость ее героини и столь же удивительное, почти мистическое, очарование, исходящее от нее. 1964 год: «Двое на качелях» Уильяма Гибсона. Первая режиссерская работа Галины Волчек. Первый успех на сцене «Современника» Михаила Козакова (именно после этого спектакля его признали там «своими»). И — Гитель Москва в исполнении Татьяны Лавровой — неудачливая танцовщица Гитель, в которой милое, надтрепанное сочеталось с силой, нестигаемостью и редкостной чистотой.

Это действительно был незабываемый спектакль, и не только потому, что и актеры, и зрители были молоды и преданы друг другу. Помимо всего прочего это настоящая пьеса, и речь в ней шла о настоящем. Сколько раз я ходил на «Двое на качелях» — не помню, но отчетливо в памяти — день премьеры и зрительный зал, стоя, пятнадцать минут аплодирующий актерам. Наверное, так я наблюдал в театре впервые. Лаврова играла свою Гитель очень долго, потом появились дублеры, потом спектакль сошел с афиши, потом возник тизис — ее в театре уже не было, играли другие, но то ощущение первоизданности чувства и цельности характера не возникало больше никогда. Это ощущение создавала, умела создать только она.

Листая старые программы «Современника». Ищу ее имя. 1965 год. «Всегда в продаже» Василия Аксенова. Лаврова — в роли Светланы. Листаю дальше. 1970 год. «Чайка». Лаврова Поллина Андреевна. Аркадину играет Толмачева.

Лина — Вертинская. Мишу — Дорошина. 1975 год. «Эшелон» Михаила Родинца. Среди огромного числа эвакуирующихся — разные возрасты, разные уклады, но достигнутых в одночасье одной Судьбой, — Лавра в исполнении Лавровой запомнилась отчетливо, почти фотографически. Какая актриса, ей бы

«ПОГИБШИЕ, НО МИЛЫЕ СОЗДАНИЯ...»

ке» стала чеховская Раневская. Она сыграла ее «под занавес», уже уходя из театра, но, как ни странно, некая «тень Раневской» какими-то неисповедимыми, чисто актерскими путями будет ощущаться в ее сегодняшней уильямсовской героине.

И вновь, в актерской биографии

жажде Любви. За три года до «Молочного фургона...» Уильямс написал пьесу «Римская весна миссис Стоун», через четыре года после — пьесу «Сладкоголосая птица юности», однако «Молочный фургон...», условно говоря, «примечательная вариация на эту тему»

нительна, то вдруг поразит своим величием, царственностью поведенья, то вдруг снизится и станет в миг жалкой и старой.

Смена ее настроений, состояний происходит почти молниеносно, как в калейдоскопе, однако что вовсе не «актерское трюкачество», но фантастическое по глубине проникновение в душу героини, до самого ее дна, до самых потаенных глубин. Да, Лаврова играет агонию, угасание, «долгое путешествие в ночь», но сколько же в этом «путешествии» невероятных поворотов, неожиданных всплесков, миссис Гофорт, кажется, уже почти умирает, и вдруг возвращается к жизни, еще более обворожительная, чарующая, чем прежде. В ней уживаются и деловая женщина, богачка, «собственная», и абсолютно бескорытное, полное чистоты, непосредственности юное существо. Ее воспоминания о «плотском» исполнении поэзии, высоты чувства и переживания. Как удаётся это актрисе? Наверное, крайне просто: во всех обстоятельствах жизни миссис Гофорт Лаврова играет прежде всего и в первую очередь — Женщину. Женщину, наделенную нестерпимой жаждой любви, которая способна воскресить и вернуть из небытия. Тогда в голоса жуткие, почти предсмертные хрипы, прерывистое дыхание молниеносно сменяются «блеском кинонаций», легкостью, шаловливостью. И в обоих случаях ее героиня не играет, не притворяется, живет. Остается — сама собой. Она — такая.

Совершенно неожиданно начало второго акта: миссис Гофорт вновь диктует воспоминания. Но только теперь она говорит не о своих мужьях, и даже не о последнем — молодом поэте, единственном, кого она действительно безоглядно любила, — но совсем-совсем об ином. О смысле жизни и тайнах смерти. Мучительно подыскивая слова, она возвращается мыслью к той «проляглым вопросам» бытия, которые в какой-то момент настаивают каждого. Только одни отмахиваются от них, стараются их забыть и забывают, а иные спорят под их тяжестью и неразрешимостью. В полубреду, в полузабытьи, миссис Гофорт говорит — точнее, думает вслух — о самом главном, сокровенном, истинном. И «ярмарка тщеславия» отступает, становится несущественной. Но в этот момент входит Он — последний мужчина, с которым ей суждено увидаться в этой жизни, — Кристофер Флаундерс, «Ангел Смерти». И возвращающе-